

UNITED WISDOM

Уайтхед: реальность как становление

Мир и сознание

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

W-19-N03 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

Уайтхед: реальность как становление

Представим условную сцену. Два человека возвращаются в кафе, где когда-то часто встречались. Вывеска та же, стол у окна на месте, чашки похожи на прежние. Один говорит: «Ничего не изменилось». Другой отвечает: «Здесь теперь всё другое». Они замечают разные вещи: первый узнаёт обстановку, второй — отсутствие прежнего разговора. Можно ли считать место тем же, если изменилась жизнь, которая в нём происходила?

Вопрос кажется бытовым, пока мы не пытаемся объяснить, что именно сохраняется во времени. Вещь? Её состав? Форма? История? Отношения, позволяющие нам узнавать её? Альфред Норт Уайтхед предлагает поставить становление в основание картины реальности. Тогда устойчивость перестаёт быть очевидной неподвижностью и становится тем, что тоже нуждается в объяснении.

О чём эта статья

Эта статья знакомит с центральным поворотом философии Уайтхеда: от мира готовых вещей, с которыми происходят изменения, к миру событий, из отношений между которыми возникают устойчивые образования. Мы рассмотрим, зачем нужен такой поворот, как понимать «актуальное событие» и «схватывание» и почему слово «опыт» в его метафизике не следует автоматически заменять словом «сознание».

Уайтхед создаёт философскую систему, а не психологическую технику и не доказанную физическую теорию всего. Поэтому мы будем различать его положения, объяснение этих положений исследователями и собственные современные примеры. Особое внимание — трудным вопросам: как сохранить ответственность, если человек меняется; как признать зависимость от прошлого, не превратив будущее в предрешённость; как видеть процесс, не теряя конкретных людей и вещей. Полезность этого чтения может состоять в более точном описании ситуации. Она не требует заранее принять всю метафизику автора.

1. Изменение как часть устройства мира

Обычно мы начинаем описание с существительного: есть река, семья, предприятие, человек. Затем добавляем глагол: река течёт, семья меняется, предприятие развивается. Такая грамматика удобна. Однако она незаметно предлагает философскую картину: сначала существует самостоятельная вещь, потом с ней что-то случается.

@andrey.zarinsh @ilkutki

В процессуальном подходе направление объяснения меняется. Устойчивое образование рассматривается через деятельность и отношения, благодаря которым оно сохраняется. Академический обзор «Process Philosophy», вводные абзацы подчёркивает: приоритет становления совместим с признанием повторяемости и долговременной устойчивости. Разные процессуальные философы расходятся в устройстве своих систем; сама эта ориентация шире учения Уайтхеда.

Рассмотрим наш пример с кафе. Одинаковое название ещё не гарантирует прежнего места в человеческой жизни. Но и смена посетителей не уничтожает юридическую или пространственную преемственность кафе. Мы называем его тем же в одном отношении и другим в другом. Проблема появляется, когда один критерий без объяснения объявляют единственно настоящим.

Процессуальная оптика предлагает спросить, какой именно порядок мы узнаём. Возможно, сохраняются адрес, интерьер и привычка встречаться. Возможно, исчезла деятельность, благодаря которой место было важно. Так мы получаем несколько конкретных вопросов вместо общего столкновения «всё осталось» и «всё ушло».

Из этого не следует, что существительные ошибочны. Без них невозможно договариваться, хранить историю и определять обязательства. Вопрос в их статусе. Слово может обозначать достаточно устойчивую организацию происходящего, не обещая, что под ней лежит неизменное ядро. Река сохраняется не вопреки течению, а благодаря определённому течению; разговор существует не отдельно от реплик, а в их связанном развертывании. Это наши поясняющие аналогии, а не доказательство устройства всей реальности.

2. Почему отношения нельзя просто добавить потом

В «Понятии природы» Уайтхед предлагает искать фундаментальные связи через события и критикует безотчётное превращение абстрактного носителя свойств в субстрат природы. Одновременно он прямо требует учитывать реальные постоянства: философская теория, которая их игнорирует, неудовлетворительна. Эти два хода видны рядом в конце главы I. Поэтому его поворот нельзя пересказать как отрицание вещей.

Теперь возьмём условный рабочий случай. Человек считает себя «плохим руководителем», потому что в команде постоянно задерживаются решения. Такая характеристика может означать многое: он неясно ставит задачи, согласование устроено медленно, полномочия противоречат ответственности, участники боятся сообщать об ошибках. Пока отношения не исследованы, качество словно помещено внутрь одного человека и представлено самостоятельной причиной всего происходящего.

Здесь полезно различить носителя ответственности и единицу объяснения. Руководитель может отвечать за решение, хотя объяснение задержки включает действия нескольких участников. Расширить описание — не значит отменить ответственность. Это значит перестать ожидать, что один ярлык объяснит механизм.

Есть и обратная ошибка: растворить всё в «системе», где никто ничего не сделал. Но система не отвечает на письмо, не подписывает приказ и не меняет срок сама по себе. Конкретные действия остаются существенными. Отношения нужны, чтобы увидеть их условия и последствия, а не убрать действующих лиц.

В нашем прочтении сила процессуальной оптики состоит именно в удержании обоих масштабов. Человек действует; способ действия складывается в определённых отношениях. Меняя отношения, можно изменить часть доступных действий. Но никакая схема ещё не говорит, что участники действительно согласны, что изменение осуществимо или что последствия окажутся желательными. Это необходимо выяснять отдельно.

3. Актуальное событие: необычная единица реальности

Перед техническим словарём стоит уточнить само противопоставление вещи и процесса. Оно не сводится к двум способам произнести одинаковую фразу. Если сказать, что предмет сначала существует, а затем вступает в отношения, можно мысленно отделить его тождество от любых связей. Если же связи участвуют в том, чем он является, такое отделение меняет предмет объяснения. Например, очередь людей сохраняет порядок благодаря отношению «после кого стоять». Уберите это отношение — останутся те же люди, но очереди уже не будет. Этот наш пример показывает зависимость определённого образования от отношений, хотя не доказывает, что так устроен любой физический предмет.

Именно последний переход требует аргумента. Оппонент может признать зависимость очереди, разговора или учреждения от процессов и сохранить иное понимание элементарных физических объектов. Ему недостаточно предъявить красивую человеческую аналогию. Процессуальная метафизика предлагает более общее основание; принимающий её должен объяснить, почему частный пример открывает устройство реальности, а не только особенности социальных образований. Это содержательная граница между полезной оптикой и принятием системы.

В зрелой метафизике Уайтхеда фундаментальны «актуальные события» — actual occasions. Это элементарные процессы, а привычные предметы рассматриваются через их организацию. «Конкресценция» означает становление единства из множества данных; «схватывание», prehension, — отношение, посредством которого данные входят в новое

событие. Здесь речь идёт о технических понятиях философии организма, а не об обычной последовательности человеческих поступков. Такой минимальный словарь даёт обзор Уайтхеда, §6.

Чтобы почувствовать направление мысли, представим собственную аналогию: прозвучавший музыкальный аккорд. Для слушателя он складывается из нескольких тонов, определённого тембра и места в последовательности. Его нельзя отождествить с одной нотой. Он также отличается от пустой коробки, куда по очереди положили отдельные звуки. Единство слышимого возникает в их отношении.

Аналогия имеет предел. Аккорд длится измеримое время, его можно записать и объяснять средствами акустики. Уайтхедовское событие — категория метафизики. Музыкальный пример не воспроизводит техническую структуру конкресценции и не подтверждает, что именно так устроены элементарные составляющие природы. Он помогает заметить, почему единство может требовать процесса, а не предшествовать ему.

Это различие особенно важно, когда философский термин начинает звучать как красивое универсальное объяснение. Если мы говорим «наша встреча — конкресценция», мы ещё не объяснили встречу. Кто участвовал? Что произошло? Какие данные действительно изменили разговор? Чем объясняется конкретный итог? Без этих вопросов специальное слово может лишь сделать привычное описание торжественнее.

Философская категория полезна как предложение изменить основание картины. Для исследования отдельного случая по-прежнему нужны сведения о нём. Из возможности мыслить событие как возникающее единство не следует, что любой человеческий опыт гармонично объединяет всё, что в него входит. Конфликт, потеря и неудачное соединение требуют собственного описания.

4. Схватывание: прошлое входит в настоящее

В обычном языке «схватить» означает понять или поймать. В данном философском словаре термин шире осознанного понимания. Существенно направление связи: новое событие возникает с учётом уже существующего, а не в абсолютном вакууме. Однако техническое схватывание нельзя без доказательства отождествлять с памятью, интуицией или психологическим механизмом человека.

Наш условный пример — короткое сообщение: «Нужно поговорить». Для одного адресата оно означает обычное обсуждение. Другой вспоминает предыдущую ссору. Третий занят работой и откладывает ответ. Текст одинаков, но его место в происходящем различается. Мы можем сказать, что настоящее здесь связано с предшествующим опытом. Для этого бытового наблюдения не требуется принимать метафизику Уайтхеда.

Но стоит продолжить вопрос. Если прошлый конфликт участвует в понимании сообщения, означает ли это, что смысл сообщения уже установлен? Нет. Воспоминание обоснованно привлекает внимание, но намерение отправителя остаётся неизвестным. Человек может пересмотреть первое прочтение после уточнения. Прошлое задаёт часть условий встречи, не заменяя сведений о текущем действии.

Тогда становятся различимы три вещи: полученное сообщение, собственное ожидание и дальнейшая проверка. Без этого различения история словно захватывает право говорить за настоящее. И наоборот, требование «забыть всё прошлое» лишает человека значимых оснований осторожности.

Процессуальное чтение в нашем применении позволяет отказаться от обеих крайностей. Предыдущее входит в ситуацию; его роль можно исследовать. Для такого исследования достаточно спросить, какая часть ожидания основана на наблюдаемой повторяемости, а какая возникает по сходству. Ответ иногда подтвердит опасение, иногда ослабит его, иногда оставит неопределённость. Философия не обещает заранее более приятного результата.

5. Опыт не равен человеческому сознанию

Одна из самых непривычных сторон системы Уайтхеда — распространение элементарного опыта на фундаментальные составляющие реальности. Исследователи называют это панэкспериенциализмом. В §6 обзора «Alfred North Whitehead» специально различены опыт и сознание: приписывание элементарного опыта не означает приписывания всему человеческого самосознания. Это метафизическое положение, а не полученный в эксперименте факт.

Сравним несколько высказываний, не смешивая их. «Я чувствую холод» — сообщение человека об опыте. «Материал меняет форму при охлаждении» — проверяемое описание физических свойств. «Элементарные события имеют внутренний аспект опыта» — философская гипотеза об устройстве реальности. Во всех трёх случаях встречается воздействие, но сходство слова не делает положения равнозначными.

Для нашей оценки полезны два независимых вопроса. Насколько предложенная метафизика связна? И какую работу она делает, которую не выполняет более экономное объяснение? Ответ на первый вопрос может быть положительным, а на второй — спорным. Красиво организованная система ещё не получает преимущество только потому, что объединяет очень многое.

Можно также спросить, что потеряется, если отказаться от панэкспериенциализма, сохранив внимание к отношениям и становлению. Для анализа командного процесса или жизненной истории, вероятно, многое останется доступным. Для внутренней

целостности системы Уайтхеда последствия существеннее. Практический читатель и историк философии поэтому вправе решать разные задачи.

Такое различение защищает и интерес к автору, и точность. Необязательно объявлять его учение доказанным, чтобы читать его серьёзно. Необязательно превращать камень в маленького человека, чтобы понимать, какую проблему автор пытается решить. И необязательно использовать слово «квантовый», чтобы дать метафизике современный авторитет: отдельное физическое открытие само по себе не проверяет всю философскую систему.

6. Устойчивость как работа сохранения

Ещё одна трудность касается непрерывности. Если мы видим становление, почему вообще узнаём один предмет в последовательности изменений? Рассмотрим собственный мысленный случай: у лодки постепенно заменяют доски. Состав меняется, форма остаётся похожей, история использования продолжается. Можно считать лодку прежней по её непрерывному обслуживанию и другой по материалу. Два ответа не обязательно противоречат друг другу, если отвечают на разные вопросы. Для реставратора значима подлинность частей; для владельца — история владения; для инженера — работоспособность конструкции.

Процессуальное описание не выдаёт единственный правильный паспорт тождества. Оно требует показать, через какой порядок изменений поддерживается выбранная преемственность. Но здесь возникает риск слишком удобного ответа: любой результат можно объявить продолжением процесса, если достаточно широко описать его границы. Поэтому критерий нужен до того, как он начинает обслуживать желательный вывод. Если восстановленная лодка не содержит прежних частей и не имеет непрерывной истории использования, слово «та же» требует другого обоснования. Один рассказ о связи не устраняет все различия между сохранением, заменой и созданием заново.

Это уточнение помогает и в понимании привычки. Повторение не является простой неподвижностью: каждое исполнение происходит в новых условиях. Но изменённая привычка может перестать выполнять прежнюю работу, хотя её название сохранится. Дружеская встреча, которую продолжают только из обязанности, поддерживает календарь и может уже не поддерживать дружбу. Отсюда не следует автоматически прекращать встречу. Следует различить формы устойчивости и спросить, что именно участники хотят сохранить.

Если реальность мыслится через становление, устойчивость получает новый смысл: её можно рассматривать как воспроизводимость организации. Это общий процессуальный

ход, обозначенный в введении «Process Philosophy». Следующие примеры развивают его в нашей современной интерпретации.

Условная библиотека остаётся библиотекой благодаря сохранению книг, правил доступа, работы людей и возможности найти материал. Название и здание важны, но могут сохраниться после исчезновения этой деятельности. Условная дружба поддерживается памятью, встречами, признанием границ, иногда совместной работой. Её история значима, однако история не выполняет всю работу нынешнего отношения.

Так возникает полезный вопрос: что именно поддерживает стабильность? В одном случае — распределённая забота. В другом — принуждение. В третьем — привычка, которая пока устраивает участников. Одинаковый внешний порядок может иметь разные основания. Поэтому фраза «это устойчиво» ещё не говорит, хорошо ли это и для кого.

Рассмотрим контрпример. Человек считает, что хорошие отношения требуют постоянно обсуждать происходящее, ведь всё является процессом. Его собеседник хочет больше тишины и предсказуемости. Первому легко объявить второго «закрытым к изменениям». Но это оценка, не вывод из метафизики. Сохранение спокойного ритма тоже может быть деятельностью, осознанным выбором и условием доверия.

Динамичность не требует бесконечной интенсивности. Любой разговор имеет цену времени и внимания; пауза иногда позволяет поддержать отношение. Наше современное применение процессуального взгляда поэтому включает не только вопрос «что изменить», но и вопрос «что сохранять и каким способом». Устойчивость нельзя автоматически считать застойностью, так же как перемену нельзя автоматически считать развитием.

7. Что остаётся от ответственности

При мысли о становлении возникает опасение: если человек сегодня другой, почему он должен отвечать за вчерашнее обещание? Это серьёзный вопрос. Его нельзя устранить бодрой фразой о текучести жизни. Изменение состояния не уничтожает историю действия и его последствия для других.

Представим условную договорённость. Один человек обещал помочь с переездом, а затем понял, что переоценил свои силы. Честное изменение решения возможно. Но другой уже рассчитывает на помощь. Здесь сталкиваются не неподвижная сущность и свободный поток, а несколько продолжающихся историй: обещание, ожидание, новые ограничения, поиск замены.

В нашем рассуждении ответственность включает признание этого продолжения. Можно сообщить об изменении, назвать известные ограничения и обсудить последствия. Нельзя

задним числом объявить обещание чужим действием только потому, что собственное желание изменилось. Это было бы использованием философии для удобного разрыва преемственности.

Есть и обратный контрпример: требовать выполнения любой старой договорённости, игнорируя болезнь, изменение условий или опасность. Такая позиция превращает постоянство в ценность без границ. Иногда ответственное действие как раз состоит в пересмотре обязательства. Но пересмотр отличается от стирания: он признаёт, что прежнее решение было принято и затронуло других.

Процессуальная оптика помогает описать переход, не выбирая за участников его моральную оценку. Что стало известно? Какие последствия уже возникли? Кто может повлиять на дальнейшее? Какие границы сохраняются? Эти вопросы не составляют универсальной процедуры решения. Они лишь удерживают временную связанность ситуации, когда искушение свести всё к одному моменту особенно велико.

8. Сильное возражение: не слишком ли многое объясняет «процесс»

Философия становления может показаться неуязвимой: любое событие объявляется процессом, любая устойчивость — устойчивым процессом. Но тогда возникает вопрос о различающей силе понятия. Если слово подходит абсолютно ко всему, что именно мы узнали?

Для проверки нашего употребления стоит сравнить два описания одной условной ситуации. Первое: «Команда — это процесс взаимного становления». Второе: «Решения задерживаются, потому что два участника имеют право отменить согласование, а срок пересмотра не установлен». Второе описание уже позволяет искать конкретные изменения. Первое может помочь выбрать масштаб внимания, но само по себе не объясняет задержку.

Это не опровержение метафизики Уайтхеда. Метафизическая система и рабочая гипотеза о команде имеют разные задачи. Однако оно показывает риск переноса. Философский термин может быть ценным на своём уровне и слишком неопределённым для отдельного решения.

Ещё одно возражение касается границ. Чтобы говорить о процессе, нужно отличить его от окружающего происходящего: выбрать начало, продолжительность, участников, значимые изменения. Выбор масштаба часто зависит от вопроса. Поэтому нельзя считать, что слово «процесс» само сообщает правильную единицу исследования.

Зрелое чтение допускает эту трудность. Для одного вопроса понадобится биография; для другого — эпизод разговора; для третьего — правила организации. Несколько описаний могут сосуществовать, если их основания ясны. Философия становится полезнее, когда помогает формулировать более точные вопросы, а не когда её словарь закрывает обсуждение. Возможность сказать «здесь этот взгляд пока ничего не добавляет» — часть серьёзного обращения с ним.

9. Что это значит на практике

Есть и вопрос о том, что считать полноценным описанием природы. В начале главы II «Понятия природы» Уайтхед возражает против разделения воспринимаемой природы и якобы единственно реальной природы причин. Первичный текст. Здесь мы не восстанавливаем всю его позицию; выделяем трудность для собственного размышления. Описание заката через физические процессы и описание увиденного цвета выполняют разные задачи. Если первое объявить единственным рассказом о действительности, появление второго ещё требуется объяснить. Если предпочесть только впечатление, можно потерять проверяемые причинные связи.

Наш аргумент не состоит в равной пригодности всех описаний для любой цели. Для расчёта прибора нужны одни различения, для понимания того, почему человек остановился смотреть на небо, — другие. Вопрос в том, позволяет ли выбранная картина связать эти задачи, не выдавая один масштаб за полный перечень существующего. Такое требование строже красивой фразы о единстве: оно допускает, что согласование пока не найдено.

Поэтому интеллектуальное несогласие с Уайтхедом может оставаться плодотворным. Читатель способен отвергать панэкспериенциализм, сомневаться в элементарных событиях и всё же замечать, как обычная речь скрывает работу сохранения и роль отношений. И наоборот, симпатия к общей метафизике не освобождает от точного описания конкретного случая. Полезное чтение не обязывает выбирать между полным принятием и полным отказом. Оно позволяет установить, какой вопрос автор сделал яснее, где предложил спорный переход и какие сведения понадобятся для дальнейшего решения.

Уайтхеда можно читать как приглашение внимательнее смотреть на условия возникновения ситуации. Наше практическое применение ограничено этим приглашением; оно не превращает философию в лечение или обязательную программу изменений.

Если вы хотите попробовать такой взгляд, можно выбрать один знакомый эпизод, который обычно описывается устойчивым ярлыком: «я всегда откладываю», «они

равнодушны», «у нас всё плохо организовано». Затем отделить наблюдаемую последовательность от общей характеристики. Что происходило до действия? Какие возможности были доступны? Что последовало? Что именно повторяется, а что каждый раз различается?

Например, в условном случае человек откладывает только те задачи, где критерий окончания неясен. Такое наблюдение не доказывает психологическую причину. Оно предлагает проверить условие задачи. В другом случае откладывание может объясняться перегрузкой, отсутствием согласования или нежеланием участвовать. Процессуальное описание сохраняет эти различия, пока сведения не позволяют выбрать.

Полезно также замечать ресурсы сохранения. Если разговор всё-таки состоялся спокойно, что этому предшествовало? Более подходящее время? Чёткая тема? Возможность отказа? Ответы не нужно превращать в правило для всех. Они могут лишь подсказать, какие условия в данной ситуации стоит учитывать.

Наконец, процессуальная оптика имеет границы при угрозе и принуждении. Подробное исследование взаимных влияний не должно делать требование безопасности зависимым от полного понимания истории. Иногда человеку достаточно знать, какое действие произошло и какую границу он хочет сохранить. Внимание к отношениям не обязывает продолжать отношения, а понимание причин не тождественно оправданию.

10. Изменяться и оставаться узнаваемым

Вернёмся в наше условное кафе. Два посетителя могут перестать спорить о том, сохранилось ли оно «на самом деле», и увидеть разные преемственности. Есть пространство. Есть память. Есть нынешний разговор. Некоторые связи сохраняются, другие заканчиваются, третьи только возникают. Это не делает их одинаково желанными и не устраняет чувство утраты.

Уайтхедовский поворот важен тем, что ставит вопрос о происхождении единства. Устойчивое не просто дано; оно возникает и сохраняется определённым образом. Для нашей повседневной мысли отсюда открывается возможность точнее замечать работу отношений, времени и условий. Но сама возможность не даёт права называть любую перемену благом или считать всякую связь обязательной.

Человек может сохранять обещание, изменив способ его выполнения. Может отказаться от прежней роли, признав её историю. Может быть связан с прошлым, не позволяя ему окончательно определить настоящее. Это наши современные выводы для размышления, а не универсальные следствия философской системы.

Есть спокойная ценность в вопросе «как это становится тем, чем является». Он задерживает слишком быстрое суждение о неизменной сущности и помогает увидеть конкретную последовательность. Иногда такого вопроса достаточно, чтобы обнаружить новую развилку. Иногда он подтверждает, что существенная граница уже ясна. И иногда оставляет нас с неизвестным — без красивого окончательного объяснения.

В мире становления устойчивость не обязана исчезать. Она может стать более понятной: что мы узнаём, что поддерживаем, чему позволяем закончиться и какие последствия оставляем после себя. Именно здесь философское чтение возвращается к человеческому масштабу — к вниманию к происходящему, которое продолжается после последней страницы.

Использованные источники

1. Alfred North Whitehead. The Concept of Nature, 1920, главы I–II. Первичный текст: события, критика субстрата, реальное постоянство, критика раздвоения природы. Прочитаны относящиеся к этим положениям фрагменты.

2. Ronny Desmet, Andrew David Irvine. Alfred North Whitehead, Stanford Encyclopedia of Philosophy, §6. Академический обзор зрелой метафизики: актуальные события, конкресценция, схватывание, опыт и сознание.

3. Johanna Seibt. Process Philosophy, Stanford Encyclopedia of Philosophy, введение. Использован для разграничения общей процессуальной ориентации, устойчивости и отдельных систем.